

HARLEQUIN®

025

Хелен Диксон
**ПАДЕНИЕ
МИСС КЭМЕРОН**

И С Т О Р И Ч Е С К И Й Р О М А Н

Исторический роман – Harlequin

Хелен Диксон

Падение мисс Кэмерон

«Центрполиграф»

2012

Диксон Х.

Падение мисс Кэмерон / Х. Диксон — «Центрполиграф»,
2012 — (Исторический роман – Harlequin)

Дельфина, пятая дочь лорда Джона Кэмерона, обделенная родительской любовью, всю свою молодую энергию обратила на благотворительность. Однажды вечером она отправилась на поиски приютской девочки, частенько убегавшей... в бордель, где ее мать, красотка Мег, называвшая себя Сладкой Дельфиной, зарабатывала на жизнь. Так в одно время в доме разврата оказались сразу две молодые особы под одним именем – благородная леди и продажная женщина. Это обстоятельство оказалось роковым для леди Кэмерон. Распаленный страстью, полковник лорд Фитцуоринг остался глух к ее уверениям в том, что она не та, за которую он ее принимает...

© Диксон Х., 2012

© Центрполиграф, 2012

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Хелен Диксон

Падение мисс Кэмерон

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Глава 1

Лето 1810 года

Дельфина Кэмерон шла в бордель, она должна была удостовериться в том, что Мэйзи, сбежав из детского приюта, отправилась к своей матери и находится в безопасности. Заведение, куда мисс Кэмерон держала путь, было одним из самых популярных среди мужской части лондонской знати, но находилось оно в таком районе, куда не следовало заглядывать леди, не говоря уже о самом борделе. Но светский мир с его условностями и запретами, мир ее матери и сестер, в последнее время все больше утрачивал свое влияние на Дельфину.

Обычно, когда она отправлялась куда-то с благотворительными целями, ее сопровождал один из лакеев, но сегодня он был занят другим поручением, и Дельфина отправилась в сиротский приют одна. Там она узнала от надзирателя дома, что Мэйзи сбежала. Легко было предположить, куда могла пойти девочка, и ничего не оставалось, как направиться за ней следом.

Вечер был жарким и душным, как бывает обычно перед грозой. Заведение миссис Кокс занимало импозантный трехэтажный особняк с выкрашенной в красный цвет дверью, по обеим сторонам которой горели два фонаря.

Ее впустил Фергюс Дейли, вышибала, которого наняла миссис Кокс для поддержания порядка в заведении. В его обязанности также входило отпугивание разного вида непрошенных гостей, попросту говоря голытьбы, пытающихся проникнуть сюда с улицы. На его огромной фигуре громилы розовая ливрея выглядела забавно до нелепости. У Фергюса была костистая физиономия, с острым подбородком, свернутым набок носом, несколько раз сломанным в кулачных боях, в которых он когда-то принимал участие, глубоко посаженные глаза, лохматые брови – все это придавало ему зловещий вид. Но сейчас его устрашающая физиономия расплылась в улыбке. Мисс Кэмерон довольно часто приходила сюда в поисках юной Мэйзи.

– Добро пожаловать в дом удовольствий, мисс Кэмерон, – тепло приветствовал он ее глубоким баритоном.

– Скорее дом разврата, Фергюс, – приглушенным голосом отозвалась она, кладя свою коричневую кожаную сумку с медикаментами и перевязочным материалом на столик у входа, – только не говорите миссис Кокс, что я его так назвала.

– Как я могу, мисс, мне такое даже в страшном сне не приснится, – заверил он с заговорщицким видом, – разве я не знаю, зачем вы здесь, уж наверняка не затем, чтобы продавать свое тело за те жалкие вознаграждения, которые могут предложить такого рода мужчины. Вы – не для них.

– Вы совершенно правы, Фергюс, не пойду на такое, будь среди них хоть сам король. Надеюсь, мои родители не узнают, что я была здесь.

– Только не от меня, мисс Кэмерон. И знайте, вы находитесь здесь под моей защитой.

– Это меня очень обнадеживает, Фергюс.

Она отшатнулась, давая дорогу какому-то джентльмену, одежда которого была в полном беспорядке; он проскользнул мимо нее в салон. В борделе наступали рабочие часы.

– Если вы ищете нашу маленькую Мэйзи, она у матери, пришла сюда примерно час назад. Дельфина вздохнула с облегчением:

– Слава Небесам. Она представления не имеет, сколько хлопот доставляет своим поведением. Ей нельзя здесь находиться, ведь она совсем еще ребенок.

Дельфина знала, что говорит. В этом районе Ковент-Гарден и Сент-Джилл было слишком много богатых и испорченных джентльменов, готовых дать хорошую цену за девочку. Фергюс кивнул в сторону лестницы, ведущей вверх, скрытой за бархатными занавесками:

– Она с Мег, или, как та в последнее время себя называет, Сладкой Дельфиной.

– Кажется, ей теперь нравится мое имя, – рассмеялась Дельфина, – хотя месяц назад она была Роскошной Луэллой, а еще раньше – Сладким Ангелом. У нее забавная манера менять имена, в зависимости от того, какое ей вдруг понравится. Наверное, это доставляет неудобства ее клиентам, но добавляет Мег загадочности. Могу я подняться? Он кивнул:

– Сегодня у нее будет свободный вечер благодаря недавнему визиту Уилла Келли.

Дельфина внимательно взглянула на Фергюса и насторожилась. Не секрет, что Фергюс терпеть не может Уилла Келли за его садистские привычки, – этот господин часто жестоко обращался с девушками миссис Кокс.

– Она пострадала?

– Сами все увидите. Но клянусь, я набью ему морду, уж простите за такое выражение, мисс Кэмерон, если он посмеет дотронуться до Мэйзи, и он это знает. Поднимайтесь, а я должен доложить миссис Кокс, что вы здесь.

– Тогда я исчезаю. – Дельфине совсем не хотелось встречаться с мадам, хозяйкой этого заведения.

Миссис Кокс довольно искусно умела подобрать букет женщин, чтобы он привлекал сюда богатых аристократов, обеспечивая себе тем самым неплохой доход. Миссис Кокс, если это ее настоящее имя, всегда носила черное платье, свои седеющие волосы она забирала в строгий узел на шее, что придавало ей вполне респектабельный вид. Она вполне могла сойти за благопристойную даму, семьи у нее не было. Мадам умела пожить и знала, как обеспечить себе безбедное существование.

Миссис Кокс гордилась своим заведением. Девушек подбирала тщательно; тех, что из провинции, поставлял безжалостный садист Уилл Келли, который имел от выручки заведения неплохую долю. Сюда попадали девушки, случайно оступившиеся, которых выгнали из дома. Или из нищих семей. Миссис Кокс подбирала несчастных, обучала их искусству доставлять наслаждение богатым господам, чтобы заставить их раскошиться. Все, что происходило здесь, было пародией на любовь, издевательством над самим понятием любви.

В огромном холле, с панелями из светлого дуба и полом, выложенным черно-белой шахматной плиткой, слышны были громкие голоса и смех, доносившиеся из салона. Бросив взгляд в открытую дверь, она увидела в салоне на кушетках, роскошных диванах в вольных позах сидящих и полулежащих женщин, скорее раздетых, чем одетых. Прежде она бывала здесь днем и не видела заведение в действии.

Сначала Дельфина испытала легкое потрясение от увиденного, а затем неожиданно для себя почувствовала внутреннее возбуждение и любопытство. В приглушенном интимном свете салона отливала перламутровым блеском кожа полуобнаженных женских тел, и эта искушающая полунагота дразнила воображение; сладострастные позы, полумрак, пряный аромат духов создавали картину волшебной вседозволенности. Девушки отдыхали в салоне, где подкреплялись легкими напитками и закусками перед тем, как пойти наверх. Некоторые господа предпочитали, чтобы девушки приезжали к ним на дом, и платили за это двойную цену.

Впрочем, все, что происходило здесь, ее не касалось.

Салон был роскошен и элегантен, с огромным темно-голубым ковром, хрустальными канделябрами, бархатными малиновыми с позолотой занавесями на окнах. Расставленные тут и там несколько столиков и мягких стульев, папоротники в жардиньерках, высокие, почти достигавшие потолка; на постаментах вдоль стен стояли итальянские мраморные статуи обнаженных мужчин в натуральную величину, такого качества, что их можно было представить скорее в домах аристократов, чем в борделе.

Слегка приподняв юбки, Дельфина стала подниматься по лестнице. Воздух был насыщен приторными испарениями от ароматических свечей. Достигнув лестничной площадки, она свернула в коридор и, пройдя в самый конец, остановилась у знакомой уже двери. Легонько постучала и, услышав разрешение войти, открыла дверь и вошла в розовый уютный будуар.

Прямо напротив входа над туалетным столиком с невероятным количеством баночек, флаконов духов, расческами и щеткой для волос в серебряной оправе висело большое зеркало в позолоченной раме с херувимами.

Мег сидела на низенькой кушетке, откинувшись на спинку и играя прядью рыжих волос. Огромные голубые глаза, мягкие полные губы и роскошные формы – устоять перед этим великолепием не смог бы ни один мужчина. Она, похоже, ждала Дельфину, уверенная, что та явится сюда, узнав о бегстве Мэйзи.

При виде девушки она наигранно рассмеялась, потянулась всем роскошным телом, словно кошка, и стала любоваться своей ногой, приподняв высоко край юбки, при этом искоса, из-под ресниц, следя за реакцией Дельфины, но, не заметив в глазах девушки ни возмущения, ни смущения, встала и одернула пеньюар, прервав представление.

– Думаю, вы явились за Мэйзи. – Она кивнула в сторону кровати, на которой спала девочка лет десяти. – Она сразу уснула, и я не хочу ее будить.

– Разумеется. Я пришла, чтобы убедиться, что с ней ничего не случилось. Хотя миссис Кокс наверняка считает, что это не мое дело. Мало ли что может произойти с ребенком в таком районе.

Красивые губы Мег искривились в усмешке.

– Миссис Кокс? Не заблуждайтесь на ее счет.

– Я не заблуждаюсь.

– Она, конечно, шлюха, старая, как сам грех, но бывает права. Вы не должны совать свой нос сюда, и это действительно не ваше дело.

С этими словами Мег снова уселась на кушетку.

– Я пришла, потому что мне это не безразлично.

– Но почему? – Мег вскинула голову с вызовом. – Вы, с таким именем, такая воспитанная, в таком дорогом платье, являетесь сюда. Чего вам не хватает? Зачем вам заботиться о таких, как я и моя Мэйзи?

– Потому что я действительно беспокоюсь о твоей судьбе и о Мэйзи, иначе я не пришла бы сюда. Что касается моего имени – кажется, ты сама нашла ему неплохое применение.

– Ах это... Может быть. Мне оно нравится, это так, но это не мое имя в действительности, я его только позаимствовала, и в этом между нами разница. Это неподходящее место для вас.

– И для тебя, Мег. И для остальных девушек тоже, и уж тем более для Мэйзи. – Дельфина посмотрела на спящую девочку. Она была необыкновенно хорошенькой, с огромными зелеными глазами и массой белокурых волос, и обожала свою мать, несмотря на то что та отдала ее в приют и совсем о ней не заботилась.

Мег пожала плечами:

– Но я ничего не могу поделать, она сама приходит. А что касается других, это стало их жизнью, всех нас привела сюда судьба, несчастная у каждой по-своему.

– Но не надо обречать на такую же жизнь Мэйзи. Она заслуживает лучшей доли.

– Куда я пойду? Я должна зарабатывать на жизнь. – Голос Мег был спокоен и убедителен. Дельфина подошла и присела с ней рядом.

– Ты не обязана здесь оставаться. Уведи ее отсюда, Мег. Я помогу тебе найти подходящее место.

– Мне не нужна ваша благотворительность, я никуда не пойду. Я хочу жить здесь, меня все вполне устраивает.

– Почему? Чем привлекает тебя такая жизнь? Не можешь оставить Уилла Келли? Ради бога, посмотри на себя! – Неожиданно Дельфина подняла рукав пеньюара Мег, обнажив красивую полную руку, и взору открылись ссадины и синяки, некоторые совсем свежие, другие пожелтевшие со временем. – Он жестокий садист. Я не могу понять, как ты можешь терпеть такое обращение.

Мег, пожав плечами, выдернула руку и опустила рукав:

– Видела и похуже. Он по-своему любит меня.

– Чепуха. Он тебя использует; если бы он тебя любил, то не притащил бы сюда. Он умеет уговаривать, вести сладкие речи, обещать, когда трезвый, но когда начинает пить... Я видела результаты его жестокого обращения не только с тобой. Пожалуйста, задумайся над этим.

– Напротив, я стараюсь вообще не думать, просто принимаю все как есть.

– Но не позволяй ему мучить себя, заклинаю!

Лицо Мег стало жестким и непреклонным.

– Мне не нужны ваши указания, как себя вести.

– Но я беспокоюсь о тебе, я не наставляю и не поучаю.

– Найдите себе другую дурочку для своих благотворительных акций милосердия, – грубо отрезала Мег, – а я вполне сама смогу о себе позаботиться.

– Ты так считаешь? – Дельфина печально посмотрела на Мег. – Я умоляю, ради Мэйзи, уходи отсюда, я смогу тебе помочь. Она заслужила лучшей участи, подумай о ней. Ты же была актрисой и работала с театром на гастролях в провинции. Можешь туда вернуться? Это лучше, чем жить здесь.

Красивое лицо Мег перекошилось от злости и стало почти уродливым. Она с ненавистью посмотрела на Дельфину.

– Не знаю, чего вы добиваетесь и почему так прицепились к нам! Так вот – я не собираюсь отсюда уходить. И могу о себе позаботиться, всегда могла. Я не оставлю Уилла, потому что никогда не смогу уйти от него. – Она отвернулась. – Вот так все обстоит.

Не в силах понять, чем вызвал такое слепое обожание этот сводник и садист, Дельфина почувствовала отчаяние.

Мег поддалась его лстивым речам, когда ездила с театром, и он уговорил ее с дочерью приехать в Лондон, обещая лучшую жизнь. Она влюбилась, поэтому послушала и поехала с ним, а Уилл Келли привез ее прямо к миссис Кокс, в дом разврата, пополнив ассортимент борделя еще одной несчастной женщиной. Теперь Мег должна принадлежать любому негодяю, у которого в кармане звенит золото. А Мэйзи она отдала в один из детских приютов поблизости. Мег любила Уилла, как кошка, хотя он бил ее и мучил, готова была терпеть все, лишь бы он ее не бросил. Она никогда от него не уйдет.

– А Мэйзи? Что будет с ней?

Мег прищурилась, ее глаза зло блеснули.

– Знаю, о чем вы думаете. Но нет, я – ее мать, может, не самая лучшая на свете, признаю, но все равно я смогу ее уберечь. Неужели вы думаете, я позволю какому-то грязному ублюдку коснуться своими лапами моего ребенка, я скорее убью и ее и себя. Но прежде убью его.

Дельфина наклонила голову.

– Знаю. Но мужчины, которые сюда приходят, не спросят твоего разрешения и не посчитаются с ее желаниями.

– Нет, вы плохо знаете меня, если считаете, что я не беспокоюсь о Мэйзи. Но именно поэтому я и отдала ее в приют. Если что-то со мной случится... – Она нервно проглотила ком в горле и отвернулась.

– Ничего с тобой не случится. Но если вдруг... Я о ней позабочусь.

Надежда появилась в потухшем взоре Мег, и она вдруг схватила Дельфину за руку.

– Правда? – прошептала она. – Вы сделаете это для меня?

– Конечно, можешь не сомневаться.

– Вы обещаете? – Глаза ее потемнели от волнения.

Впервые Дельфина видела Мег такой взволнованной и слышала, как дрожит ее голос. Она чувствовала, как в ней борются противоречивые чувства, ей хотелось обнять Мег, утешить, но она сдержалась и на мгновение задумалась. Потом решила:

– Я обещаю.

Мег отвернулась, стиснув зубы, чтобы не расплакаться, потом посмотрела на Дельфину блестящими сухими глазами.

– А теперь уходите. Я сама отведу ее в приют. Сегодня у меня не будет клиентов, и она может остаться на ночь. Утром я отведу ее, клянусь.

Дельфина встала. Обе помолчали.

– Хорошо. – Она посмотрела на спящую девочку. – Но помни о том, что я тебе говорила. Уведи ее и сама уходи отсюда.

С этими словами она вышла из будуара, чувствуя, что разговор оставил ее без сил. Она понимала, какое влияние может оказать это место на Мэйзи, потому что в глубине души знала, что Мег не уйдет отсюда, пока Уилл Келли остается рядом.

Внезапно до нее донесся громкий стон, и она остановилась. Дверь одного из будуаров была неплотно прикрыта, наверное, клиент слишком спешил к своей избраннице.

Движимая непреодолимым любопытством, она подошла и заглянула в приоткрытую дверь. Одна из девушек занималась тем, за что ей платили. Дельфина отпрянула и хотела убежать, но застыла, не в силах отвести глаз от запретной сцены.

Как кролик перед удавом, она была парализована действием, глядя, как два обнаженных тела – мужчина и женщина – сплелись вместе. Потом шок прошел, но любопытство пересилило, она продолжала смотреть, и непривычное тепло разлилось по ее телу, девушку захватили неведомые прежде ощущения. Руки и ноги этих двоих переплелись, они ритмично двигались в унисон, а ее тело невольно отзывалось на происходящее, томление жаркой волной разлилось внизу живота. Каждый нерв был напряжен, сердце бешено сту чало.

Дельфина с трудом опомнилась и перевела дыхание. Что она тут делает? Эти двое ей незнакомы, почему их действия вызывают такое волнение в ее крови? Только падшие женщины, это она знала от матери, получают наслаждение от *этого*. Дрожа всем телом, она пошла к лестнице, испытывая чувство вины, как ребенок, которого застали подглядывающим в замочную скважину.

Она уже начала спускаться, когда снизу послышался громкий мужской голос. Его обладатель – грузный мужчина, с густыми светлыми волосами, резкими чертами лица, – поднимался навстречу. Его рубашка из грубого льняного полотна была в пятнах от еды и пива, бархатные темные штаны поддерживались широким поясом на животе. Он окинул Дельфину проницательным оценивающим взглядом, вульгарным и наглым.

Это и был Уилл Келли, жестокая и безжалостная скотина, пьяница, игрок и совратитель. У него были лисьи, близко посаженные глаза, умные и цепкие, которые ничего не упускали. От его взгляда по коже Дельфины пошли мурашки. От него так несло запахом дешевого кабака и немытого тела, что ее затошнило.

При первой же встрече ей было достаточно одного взгляда, чтобы определить его мерзкую сущность и почувствовать исходившую от этого человека смертельную опасность.

Он встал на ее пути, широко расставив ноги и уперев могучие кулаки в бока. Взгляд серых пронзительных глаз был холоден и враждебен.

– Итак, что вам понадобилось наверху, мисс Кэмерон? Снова суете нос не в свое дело?

– Ничего подобного. – Она старалась принять высокомерный вид и решила не поддаваться на его вызывающую грубость, хотя от близости этого животного у нее дрожали от страха колени. – Я ходила повидаться с Мег. И не надо кричать, я вас прекрасно слышу.

– Уж не думаете ли присоединиться к ее ремеслу? – И вдруг он, протянув лапищу с грязными ногтями, приподнял за подбородок, повернул ее голову, разглядывая в профиль. Потом наклонился и, обдавая ее брызгами слюны, заявил: – Вы бы вполне подошли, у меня глаз наметан, такая, как вы, – лакомый кусочек, – и ухмыльнулся плотоядно. – Я человек стоворчивый, мы могли бы поладить.

Она сверкнула гневно глазами и отбросила его руку:

– Не смейте меня трогать! Неужели такая мысль могла прийти вам в голову? Что я могла бы отдавать себя вам или тем, кто посещает это заведение? Никогда.

Он язвительно рассмеялся:

– Я знал много таких благородных дам, мисс... как вас там... благородная мисс Кэмерон! Была одна такая французская штучка, которая возомнила, что она слишком хороша даже для самых богатых и красивых любителей поразвлечься. А потом она приползла ко мне на коленях, умоляя пустить в свою постель. Или вот еще: была одна самая настоящая красотка, из Кента. О, это была надменная и упрямая стерва, но через неделю после общения со мной она все поняла и уже сама приходила ко мне. – И он торжествующе расхохотался.

– Вы хотите меня запугать этими историями своих побед?

Он посмотрел ей прямо в глаза, и отвратительная улыбка изогнула его толстые губы.

– Если бы я хотел напугать вас, то затащил бы сейчас в одну из пустых комнат и с удовольствием послушал ваши вопли. Я сильный мужчина, и не скажу, что возражаю, когда сопротивляются, это придает делу интерес, но не стану этого делать. Просто пока указал на преимущества дружбы со мной, если вы надумаете присоединиться к цветнику миссис Кокс в этом роскошном заведении. Вам не придется здесь скучать, уверяю.

– Этого никогда не будет. Я пришла сюда только из-за Мэйзи, других причин не было.

– А! Юная Мэйзи. – И в его глазах зажегся опасный огонек. – Очень хорошенькая малышка. Она скоро станет настоящей красавицей, – он прищурился, – такой же, как ее мать. Можно вообразить, какой успех они могли бы иметь, работая вместе, – мать и дочь.

У Дельфины кровь застыла в жилах от этого предположения, и ее охватил страх за Мэйзи. Неужели девочку ждет такая судьба? Нет, она этого не позволит.

А Келли продолжал внимательно следить за ней, и Дельфина понимала, что этот пронзительный садист уже почуял ее страх и готовность защищать Мэйзи. Она дала ему в руки крупный козырь. Оружие против себя.

– Ты оставишь в покое Мэйзи, Уилл Келли! Она еще дитя. Мег убьет тебя, если ты протянешь грязные лапы к ее дочери.

– Мег ничего не сделает. А если будет выступать против меня, пожалеет, что родилась на этот свет. Мэйзи в моих руках станет прекрасной ученицей, из нее выйдет такая же классная проститутка, как ее мать.

– Никогда. По крайней мере, пока я жива, этому не бывать.

Оттолкнув Келли, она пронеслась мимо него вниз по лестнице, пылая ненавистью и гневом. Единственное, что ее успокаивало, – по крайней мере, сегодня Мэйзи ничто не угрожает.

Дельфина остановилась в холле и прислушалась. Мысли снова вернулись к сцене, которую она наблюдала до встречи с Уиллом Келли. Жидкий огонь снова разлился по телу, удивительно, что она еще не сгорела в этом пламени.

В холле не оказалось Фергюса, и она, схватив свою сумку, сама открыла тяжелую дверь. На пороге она столкнулась с мужчиной, который уже поднял латунный молоток, чтобы постучать в дверь.

– О, простите меня. Мое имя Николас Оакли. Я ищу даму по имени Дельфина, – приятным голосом объяснил он.

Она посмотрела на широкоплечего, статного, хорошо одетого человека.

– Я Дельфина Кэмерон. Могу вам чем-то помочь?

Он не был похож на человека, который посещает бордели.

Но и больным тоже не выглядел, наоборот, он казался пышущим здоровьем мужчиной, его загорелое лицо покраснело от ветра, но кожа была гладкой и холеной.

А мистер Оакли тоже рассматривал ее и оценивал. На ней был жакет из коричневого бархата, отделанный такого же цвета лентами, кофейного цвета платье, коричневая шляпка, из-

под высоких полей которой струились темно-рыжие локоны. Вид скорее чопорный, она совсем не походила на особу, описанную хозяином «Голубого вебря», – рыжеволосую сирену, которую тот рекомендовал как вполне подходящую особу, с которой его господин может провести ночь, пока находится в Лондоне. Но ночные жрицы полны сюрпризов.

Хозяин гостиницы заверил, что заведение миссис Кокс лучшее среди других борделей, а способности Дельфины столь разнообразны, что она может доставлять удовольствие всю ночь напролет.

Он приветливо улыбнулся:

– Я верю, что вы и есть та дама, про которую мне говорили, и что вы вполне можете помочь моему хозяину. О да, я просто уверен, что вы окажете незаменимую помощь.

– Но это зависит от того, в каком он состоянии. Что с ним произошло?

Он удивился и приподнял густую бровь.

– Можно и так выразиться. Повторяю, он нуждается в помощи.

– Он заболел?

– Думаю, это можно назвать болезнью. Мой хозяин, я, с вашего позволения, являюсь его денщиком, или ординарцем, если угодно, – полковник, лорд Стивен Фитцуринг, направляется домой из Испании, там он сражался у Веллингтона с французами. И теперь нуждается в помощи.

– О, я понимаю. – Она лихорадочно размышляла, ее долг – помочь, даже если она не обладает врачебной практикой. Надо взглянуть на него, если рана серьезная, она позовет на помощь доктора Грея, который часто лечит детей в сиротском доме.

– Мистер Тейлор, хозяин «Голубого вебря», в конце улицы, заверил, что никто так не сможет... – и он закашлялся смущенно, – скажем, облегчить муки моего господина.

Полная наивности и желания помогать всем страждущим, она широко улыбнулась. Ей показалось лестным, что ее скромные усилия кто-то оценил столь высоко и что она стала известной. Она была знакома с хозяином «Голубого вебря» – этот добряк помогал сиротам. Раз господин этого мистера Оакли нуждается в ее помощи... Дельфину совсем не удивило, что мистер Тейлор рекомендовал обратиться именно к ней. Он видел, что она направляется сюда, а Дельфина, переходя улицу, даже помахала ему рукой. Мистер Тейлор понял, что она пришла искать Мэйзи.

– Если вы сообразовите пойти со мной, я приведу вас к господину, – мистер Оакли с интересом разглядывал ее, – и смею вас уверить, мой господин очень щедр.

Она подумала, что эти деньги помогут сиротскому дому, и ответила спокойно:

– Я не сомневаюсь. Я не оказываю услуг даром.

Он снова приподнял бровь.

– Мой хозяин и не ожидал ничего такого. О, что вы, конечно же нет. Хотя осмелюсь сказать, что, кажется, большинство персон вашей профессии благосклонны ко всем.

– Не ко всем, мистер Оакли. Только к тем, кому я действительно могу помочь. Ваш господин, надеюсь, является приличным и добрым джентльменом.

– О, в основном да. Правда, временами он принимает довольно свирепый вид, но на самом деле свирепость не соответствует его натуре. – Улыбка снова тронула углы его губ. – Но никому об этом не говорите, не портите ему репутацию.

– Репутацию? – Она повернула голову и с любопытством на него взглянула. Он все больше интриговал ее своим господином. – А какая у него репутация?

– О, наихудшего сорта, – ответил Оакли и бросил на нее многозначительный взгляд.

– Тогда посвятите меня в детали, ведь я собираюсь оказать ему помощь и хочу сделать это как можно лучше. У него есть женщина в жизни, которая заботится о нем?

– О, в Испании была одна прекрасная сеньорита, которая обожала его, но теперь она осталась далеко. Мой хозяин один из самых умных и мужественных людей на свете, а сила воли

такова, что он прошел через много сражений и остался цел. Мало кто может ему противостоять, разве только это будет сам Бонапарт, и поэтому вы можете найти его привычки диктаторскими.

– Понимаю. Благодарю за глубокий анализ характера вашего господина. Я запомню. Так где он?

– Я оставил его в постели, в гостинице. Так вы готовы следовать за мной?

Она показала с улыбкой на свою сумку:

– Все необходимое для оказания помощи со мной, в этой сумке.

Он снова поднял брови, мысленно с благоговейным ужасом вообразив те восхитительные предметы, которые находятся в ее сумке и способны привести его господина в состояние приятного возбуждения.

Дельфина и не думала об опасности, в которую ее могут ввергнуть наивность и доверчивость. Она давно привыкла действовать спонтанно и самостоятельно, ни с кем не советуясь и не задумываясь о последствиях.

– Так ведите меня, мистер Оакли. Посмотрим, как я могу помочь вашему господину.

Времени у Дельфины было не так много, она еще должна успеть на музыкальный вечер, который устраивала ее мать сегодня, понимая, что опоздание будет встречено упреками. Ее помощь приюту всегда вызывала со стороны матери недовольство. Дельфину наставила на этот путь благотворительности тетя Селия, которая считала, что те, кому в жизни выпало быть богатым, должны помогать обделенным судьбой. «Праздных людей всегда искушает дьявол, – так говорила она. – Для тех, кто хочет трудиться, всегда найдется работа».

Она желает трудиться. И искренне хотела заполнить пустоту праздной жизни, которая досталась ей по рождению. Дельфина – младшая в семье, где было пятеро детей, и все девочки. Ее родители надеялись, что последним отпрыском будет долгожданный сын, и так расстроились, когда на свет снова появилась девочка, что даже не стали оповещать о ее рождении.

Это проявление безразличного равнодушия наложило отпечаток на характер Дельфины, она чувствовала свою неполноценность, она страдала, не понимая, почему родители не любят ее, и это лишало ее уверенности в себе. В глазах родителей она никогда не станет такой, как ее сестры, – красивой, с безупречными манерами, привлекающей взгляды и внимание мужчин, где бы она ни появилась.

Она пыталась не поддаваться этим сомнениям и не придавать им особого значения, но рядом с красавицами сестрами чувствовала, что волосы у нее не модного белокурого, а странного рыжего цвета, рот слишком велик, скулы слишком высокие, и на них можно заметить веснушки. Оттого, что в детстве она была лишена ласки и ее не баловали, она испытывала чувство заброшенности. Это было жестоко и несправедливо со стороны семьи. Видимо, поэтому Дельфина, когда выросла, решила, что станет самостоятельной и сама будет строить свою судьбу.

Тетя Селия привлекла ее к работе с приютскими детьми. Дельфина занялась благотворительностью и увидела несчастных сирот, заглянула в ужасающую нищету, на дно жизни. Ее сестры и вообразить не могли, что существуют такие места, в которых она бывала. Она работала вместе с другими в сиротском доме на Уотер-Лейн. Дети, попавшие туда, не все были сиротами, например Мэйзи, были и такие, кого бросили родители. Дельфина доставала деньги для приюта, уговаривала мать устраивать со своими богатыми подругами благотворительные мероприятия, надоедая и раздражая просьбами, собирая пожертвования для своих сирот. Так она обрела цель в жизни. Получила возможность свободно дышать и оставаться сама собой, перестала испытывать комплекс неполноценности, который преследовал ее с детства. Первые переступив порог сиротского дома, увидев этих несчастных детей, она ужасно расстроилась. Но ее тетка, старая дева, которая всю свою жизнь посвятила благотворительности, обладала характером твердым. Всегда уверенная в себе и в своей правоте, она была в этом схожа со своим братом, отцом Дельфины. Она сразу предупредила племянницу, что эмоции только помешают ей делать работу хорошо, что она должна оставаться спокойной и не давать чувству

сострадания захлестнуть себя. Если она сможет с этим справиться, это позволит контролировать и себя и других. Дельфина, разумеется, прислушивалась к ее советам и старалась походить во всем на свою тетю Селию. Но это ей удавалось с трудом, долгое время подавляемые эмоции рвались наружу, общение с обездоленными детьми вызывало глубокое сострадание, заставляя ее иногда действовать по велению сердца, а не холодного рассудка.

Сегодня она впервые стала свидетелем любовной сцены, и все ее чувства пришли в такое смятение, что она не могла думать ни о чем другом, лицо до сих пор горело лихорадочным румянцем, пока она шла за незнакомцем.

Она ненавидела ночные улицы, они таили опасность, казалось, по углам прятались зловещие тени, вызывая в ней трепет. Этот мир был так далек от мира ее матери и сестер, в нем царили насилие и жестокость, поджидали своих жертв грабители и убийцы, и человек, который появлялся здесь с наступлением темноты, подвергался смертельному риску. Дельфина решила, что, как только осмотрит больного или раненого джентльмена, попросит мистера Оакли найти ей наемный экипаж, чтобы поехать домой. Она шла, погруженная в свои мысли, глядя под ноги, а темнота уже сгущалась, над головой зажигались звезды.

Они вошли в «Голубой вепрь» через черный ход. Ночь была оживленным временем для отеля. Дельфина направилась вслед за мистером Оакли по узкой лестнице, потом по коридору. Он остановился у одной из дверей, приоткрыл ее, пропуская Дельфину внутрь, сам остался в коридоре.

– Оставляю вас теперь, – услышала она его шепот, и дверь плотно закрылась.

В комнате царил тишина, нарушаемая лишь ровным дыханием спящего человека. Она стояла, оглядываясь по сторонам, пока глаза привыкали к полумраку. Это была небольшая комната, но с полной меблировкой. На кровати спал мужчина. Одной рукой он прикрывал глаза, на запястье Дельфина увидела повязку. Она решила, что это и есть рана, о которой говорил мистер Оакли, и подошла ближе.

Она уже открыла рот, чтобы его разбудить, но замерла, не в силах отвести взгляд. Ей еще никогда не приходилось видеть ничего подобного. Он лежал обнаженный до пояса. Его тело было совершенно, атлетически подтянутое, мускулистое. Широкая грудь, поросшая густыми волосами, сильные плечи. Видимо, почувствовав рядом ее присутствие, он отвел руку от лица и взглянул на Дельфину. Ее сердце взволнованно стукнуло, потом часто забилося, когда она заглянула в его глаза – они были необычного синего цвета, цвета летнего вечернего неба. Какое-то мгновение он смотрел на нее, и она чувствовала, как пламенеют ее щеки под этим взглядом. Он был так хорош, что, потеряв дар речи, она просто стояла и смотрела на незнакомца. Его губы тронула улыбка, которую бедняжка Дельфина нашла восхитительной и окончательно потеряла голову. В ней поднялся вихрь эмоций, она не узнавала себя, притягиваемая как магнитом к этому человеку.

– Так-так, – сказал он хриловатым, еще сонным голосом, – что у нас здесь? Такого подарка я не ожидал. Оакли превзошел самого себя. Почему так долго?

Его голос вывел ее из состояния блаженного созерцания, она спохватилась и поняла, что с той минуты, как перешагнула порог этой комнаты, не произнесла ни звука. Она пришла сюда, потому что ей сказали, что этот человек болен или ранен... Но кажется, он совершенно здоров. Ему было на вид лет тридцать, он был исключительно красив, его тело и лицо были совершенны, как будто его изваял чудесный мастер. У него были тонкие, аристократические черты лица, золотистая кожа, густые, волнистые, черные волосы, слегка растрепанные после сна... Синие глаза продолжали ее изучать. Голос был глубокий, бархатный, но язык его слегка запинаясь, это внушало ей подозрение, что незнакомец нетрезв.

– Я... я пошла сразу, как только мистер Оакли попросил меня.

– Старый добрый Оакли. Он проделал сегодня прекрасную работу, отыскав вас. – Человек вдруг откинул простыню и, абсолютно голый, неувлимо быстрым движением оказался

рядом. Обошел вокруг Дельфины, пока она стояла, как будто приросла к полу, обмирая от стыда и смущения. Она не пыталась убежать, хотя он не дотрагивался до нее, находясь под властью его синих глаз, неотрывно смотревших на нее. Наконец он остановился перед ней и широко улыбнулся, кажется весьма довольный осмотром.

Холодный ужас коснулся вдруг ее сердца; она прижала к груди свою сумку, пытаясь отвести глаза от его нагого тела. Только сейчас она начала понимать, в какую историю угодила. И сразу нахлынули усталость и злость на мистера Оакли, который заманил ее в ловушку.

– Из слов мистера Оакли у меня создалось впечатление, что вы ранены или больны, – произнесла она наконец ледяным тоном, – но, поскольку произошла ошибка, я желаю вам доброй ночи, сэр.

Он негромко рассмеялся и загородил ей путь к двери своим обнаженным мощным телом.

– Ну, ну, моя милочка. Как твое имя?

Она вскинула гордо голову:

– Дельфина. Дельфина Кэмерон.

– Дельфина, – он вздохнул, – такое имя вполне подошло бы леди. Я – лорд Фитцуоринг. Мои друзья зовут меня Стивен. Могу я тебе предложить вина? – Он указал на графин с вином, стоявший на столике у кровати.

– Нет.

Он засмеялся, вытащил сумку из ее пальцев и бросил на стул. И прежде чем она смогла запротестовать, снял с нее шляпу, потом заколки, поддерживающие волосы, и они водопадом заструились по плечам. Свет от лампы заискрился в каштановых локонах с рыжеватым оттенком, и он залюбовался их красотой. Густые, длинные, они обрамляли ее овальное лицо с пропорциональными чертами, контрастируя с матово-белой кожей. Высокие скулы, большие карие глаза с удлинённым разрезом, загадочные и притягивающие, с колдовскими зелеными искорками. Маленький прямой нос, полные, чувственные, розовые губы. Лорд Фитцуоринг пришел в восхищение красотой девушки.

– А знаешь, – сказал он, – я, как никогда, доволен выбором Оакли.

Он протянул руку и, обняв тонкую талию Дельфины, притянул девушку к себе, ее тело сразу безвольно потянулось к нему, как магнитная стрелка к северу. Что теперь с ней будет, как она выберется из чужой неведомой страны, в которой очутилась?

Неведомая территория, полная опасности, куда она так опрометчиво ступила. Она сама виновата, и теперь, если вдруг что-то ужасное случится с ней, винить придется только себя. Дельфина вспоминала события последнего часа и не могла понять, почему сделала неверный шаг.

А он, не замечая ее растерянности, наклонился и накрыл ее губы своими, она ощутила довольно сильный, но не отвративший ее запах дорогого бренди. Шок был так велик, что она даже не вырывалась, просто стояла опустив руки. И как будто видела себя и все, что происходит, со стороны, как наблюдатель, не протестуя, хотя его поцелуй становился все более настойчивым. Она начала оживать, отзываясь на призыв; неожиданно легкое и приятное волнение овладело ею, сквозь одежду она ощущала, как он прижимается к ней, не в состоянии противиться, близость столь совершенного тела волновала и пьянила ее. Она подумала, что при других обстоятельствах могла просто наслаждаться такой близостью...

Он прервал поцелуй, приподнял ее голову и заглянул в глаза. Взгляд его был теперь полон настойчивой решительности. Он снял с нее жакет и бросил на стул. Она не оказывала сопротивления. Потом снова обнял и прильнул к губам, она начинала плохо понимать происходящее и вдруг почувствовала, что платье упало к ее ногам, теперь Дельфина осталась в нижней сорочке. Она и понятия не имела, как возбуждает его ее мягкая, нежная кожа, ее запах. Объятия становились все крепче, все настойчивее, а жадность поцелуя напугала. Ее никогда еще не целовал мужчина, и она была ошеломлена происходящим. Ее мозг был парализован

этими страстными поцелуями и объятиями, она оказалась в его власти, ее почему-то притягивал его запах – незнакомый странный запах, который она находила приятным, – смесь дорогого бренди, сандалового дерева и одеколона, волновало прикосновение к его обнаженной коже. Странная слабость овладела всеми ее членами. Мысль заработала трезво, но тело говорило на своем языке, оно уже было взбудоражено сценкой, которую она подглядела в борделе, и теперь ею овладело состояние близкое к лихорадке, сердце учащенно билось, она задрожала, снова ощутив тепло и истому внизу живота.

Вынырнув из этого сна наяву, когда его руки заскользили по ее телу, она вдруг забилась, сопротивляясь, вдруг ясно осознавая, что он собирается сделать дальше. Но силы были неравны; продолжая крепко сжимать ее, он расстегнул застёжку на ее нижней сорочке, спустил ее с плеч, обнажив грудь. На Дельфине оставались теперь только шелковые чулки и панталоны.

Она вдруг с неожиданной силой оттолкнула его и освободилась, отвела его руки, он не ожидал сопротивления и выпустил ее.

– Сэр, вы с такой настойчивостью атаковали меня, что я растерялась, – выдохнула она и попыталась объяснить: – Поймите, произошла ошибка, и я совсем не та, за кого вы меня принимаете. Я должна немедленно уйти, меня ждут.

Произнося эти слова, она попыталась прикрыть грудь от его хищного взора. Он нахмурился озадаченно, потом улыбка вновь появилась на его лице.

– Я знаю, что вас ждут другие, моя сладкая Дельфина, но они подождут. – Стальной блеск синих глаз подтвердил ее худшие опасения. – А сейчас ты будешь принадлежать мне.

Он легко поднял ее на руки, и не успела она опомниться, как оказалась с ним в постели. Нежный аромат ее духов, смешанный с запахом женской кожи, пьянил его, он терял голову. Нетерпение росло, и он уже не собирался больше его сдерживать.

Она еще раз попыталась вырваться, почувствовав прикосновение к своей обнаженной коже разгоряченного мужского тела, перекатилась по широкой постели, но он настиг ее и с грубым смехом втащил обратно. Потом бесцеремонно навалился, прижимаясь своей грудью к ее обнаженной нежной груди, пьянея от ее близости и тяжело дыша. Чувствуя на шее его губы, она пыталась сопротивляться, упираясь в его мощную грудь слабыми руками.

– Сэр, умоляю, – она еще надеялась его образумить, – дайте мне уйти, я потом вернусь, обещаю вам, и у нас будет больше времени.

– Ну хватит. Не надо меня дразнить, – холодно сказал он, потом безжалостно и уверенно освободил ее от остатков одежды. – Если это такая игра, Дельфина, то я уже успел оценить ее, и теперь пора прекратить. Твои протесты и сопротивление – уловка. Как ты думаешь, зачем я тебя позвал? Я хочу тебя немедленно.

Она забилась в его руках, пытаясь вырваться, но ему надоело это бессмысленное и непонятное сопротивление, поэтому он бесцеремонно схватил ее за талию и вернул в постель. Потом расставил свои мощные руки по обеим сторонам, чтобы не дать повторить маневр, лег на нее, не позволяя двинуться, прижимая своим весом. Он даже вошел во вкус игры, и теперь ее попытки освободиться, кажется, только подхлестывали его нетерпение. Она притихла, чувствуя, что слабеет, волнение и смутные желания поднимались навстречу тому, что должно произойти. Почувствовав перемену, он поднял голову и, заглянув ей в глаза, с улыбкой сказал:

– Ну вот, теперь ты в моей власти, сладкая моя Дельфина. Я тебе заплачу за услуги завтра с восходом солнца, а пока постарайся сделать все, что ты умеешь, чтобы оправдать мои расходы.

Дельфина в ответ, уже понимая, что сейчас случится, прекратив сопротивление, просто-напросто:

– О, я сама не знаю, что здесь делаю.

Он насмешливо расхохотался.

– Кому, как не тебе, это знать, ты же шлюха, моя дорогая, и сегодня ты принадлежишь мне.

Слишком поздно было что-либо объяснять, она ждала, чувствуя его нетерпеливые интимные прикосновения; и неожиданно такая острая боль пронзила ее, что слезы брызнули из глаз и она прикусила губу до крови. Но его рот жадно прикрыл ее губы. Постепенно боль начала утихать, пока он двигался внутри нее, получая так долго откладываемое наслаждение; его страсть наконец нашла свое удовлетворение.

Она лежала неподвижно, закрыв глаза и пытаясь подавить в себе все чувства, стараясь ни о чем не думать. Она не знала, как долго это продолжалось, а когда он откатился в сторону, отвернулась, натянула на себя простыню, прикрыв свое использованное самым безжалостным образом тело, чтобы он не смотрел на нее.

Глава 2

Когда он второй раз овладел ею, все изменилось. Она могла отрицать сколько угодно, но то, что произошло в первый раз, раскрепостило ее, и чувства, недавно разбуженные эротической сценой в борделе, вновь завладели ее телом. Дельфина вырвалась из мира сомнений и предубеждений, ее тело не подчинялось больше рассудку, получив долгожданную свободу. Какой смысл убеждать, что она не та, кого он ждал, все равно худшее уже случилось, хотя и помимо ее воли. Она была полностью в его власти, смирившись с тем, что произошло, страха больше не было, в ней поднимались скрытые, долго подавляемые желания и любопытство. Хотелось дать себе свободу.

Он поцеловал ее в шею и невнятно что-то пробормотал. Потом легонько обвел пальцем контур груди, соски сразу затвердели, поддаваясь ласке, и вдруг она сама обняла его, задыхаясь от нетерпения и прижимая к себе, пряча лицо на его груди, как будто искала спасения, чувствуя лихорадочный огонь в крови. Страх исчез, испарился, и, когда он продолжил сладкую пытку, Дельфина не смогла сдержать стон. Теперь, когда он овладел ею не спеша, она не лежала неподвижно, как в первый раз, она охотно отвечала, двигалась вместе с ним, даже обвила ногами его талию, запустив пальцы в его волосы.

Окончательно отбросив остатки благоразумия, чувство долга и поруганную честь, она сгорала от страсти, превращаясь то в ласкового котенка, то в тигрицу, царапая, кусая, подгоняя и приближая момент экстаза, а перед закрытыми глазами рассыпались звезды; потом мелькнула мысль, что теперь она связана с ним навсегда, и страх сжал липкой лапкой сердце. Что это принесет ей, как изменит судьбу? Она открыла глаза, и, как будто почувствовав и прочитав ее мысли, понимая происходящие в ней перемены, он заглянул в их сверкающую глубину.

– Кто ты? Колдунья или ангел? Что ты делаешь со мной?

И снова прильнул к ее губам, и она ответила на поцелуй так, как будто ее жизнь зависела от него. С тех пор как в борделе она столкнулась с запретным зрелищем, ее как будто захватили темные силы, посеяли смутные желания, требовавшие выхода, начали разрушать ее изнутри, подхлестывая и искушая. Когда наслаждение достигло пика, ей показалось, что она не выдержит, сердце разорвется от невероятного наслаждения. Весь прежний мир исчез, отчий дом, мать и сестры с их светскими салонами и друзьями, ею сейчас владели те же низменные инстинкты, которые влекли тех, презираемых ею мужчин, кто посещал дом миссис Кокс. Она легла в постель к незнакомцу, ответила на его страсть, теперь она ничем не отличается от продажных женщин, которых так сторонилась.

Он заснул в ее объятиях. И странно, она перестала беспокоиться о том, что будет, больше не хотела никуда убегать, его руки обвивали ее и давали чувство уюта и безопасности. Впервые кто-то так обнимал ее, и она, одинокая с детства, вдруг ощутила ласковое прикосновение, и слезы потекли из глаз. Она плакала, лежа в объятиях незнакомца, чувствуя на своей щеке его дыхание. И хотя узнала его только сегодня и не с лучшей стороны, ей показалось, что он тоже одинок и нуждается в ней.

И, слабея от пережитого, перенесенного взрыва эмоций и первого любовного опыта, почувствовав, как тяжелеют веки, она медленно погрузилась в глубокий сон.

Стивен открыл глаза и стал изучать лицо незнакомки на подушке рядом, залюбовавшись его красотой. Длинные ресницы прикрывали закрытые глаза, безупречная кожа и розовые губы, волосы роскошные, каштанового цвета с проблесками красноватого оттенка золота, разметались по груди и плечам. Он приподнялся на локте, разглядывая ее, потом скользнул глазами вниз и с изумлением увидел на простынях пятна крови.

И сразу в памяти всплыла ее непонятная игра в невинность вчера, и, хотя его мозг был затуманен алкоголем, он все-таки помнил ее смятение, когда она появилась в его комнате, оказанное сопротивление, а также ее полную неопытность в постели. Но зачем же она позволила Оакли притащить себя сюда, если девственница. Может быть, крайняя бедность толкнула на занятия проституцией? Он вздохнул, снова прилег на подушку и закрыл глаза. Менее всего вчера он ожидал встретить здесь девственницу. Они доставляют слишком много хлопот, он предпочитал получать удовольствие с более опытными особами.

В свою первую ночь пребывания в Лондоне после нескольких месяцев участия в сражениях в Испании, после приличной выпивки в переполненной завсегдатаями таверне, он велел Оакли подыскать ему опрятную и хорошенькую женщину, которая умеет доставлять удовольствие джентльмену. И теперь, глядя на лежавшую рядом девушку, он спрашивал себя, как она оказалась в его постели, удивляясь, что Оакли привел сюда эту невинность. У нее было красивое лицо, красивая фигура, и, глядя на ее великолепные бедра, он вновь почувствовал желание, но вместе с холодным рассветом к нему вернулся рассудок. Он сдерживал себя, хотя и с трудом, понимая, что, если бы она дала понять хотя бы одним взглядом, намеком, что тоже хочет его, он бы не раздумывал. Но теперь она была не просто желанным телом, куском плоти.

Лицо ее во сне носило выражение полного покоя и умиротворения. Он тихонько отвел локон с ее щеки. Она тут же открыла глаза, казавшиеся сейчас такими темными, что почти сливались со зрачками.

Дельфина смотрела на него, вынырнув из глубокого сна, и медленно возвращались события прошлой ночи. Она проснулась, почувствовав пристальный взгляд Стивена Фитцуоринга, его дыхание на своей щеке. Не стоило лгать себе и отрицать, что он был необыкновенно красив. Лицо и фигура – образец совершенства. Она не могла и мечтать о таком мужчине, предположить, что он может оказаться рядом, более того, что она будет спать с ним и он воплотит ее тайные и самые низменные мечты и инстинкты.

Постепенно приходило полное осознание совершенного ею поступка, и вновь подкрался страх перед тем, к чему это может привести. Какой ужас, ведь она сама позволила этому случиться, легла в постель с незнакомым мужчиной, и теперь, когда темная страсть не будоражила больше ее кровь, она не была ослеплена безрассудным желанием, ее охватили стыд и злость на себя. Она испытывала отвращение к самой себе, она опозорила свое имя и лишилась чести.

Она негромко вскрикнула, села, прикрывая грудь простыней, дрожа всем телом, сама того не ведая, являя собой очаровательную картину, способную ввести в искушение мужчину, – с горевшими щеками, пунцовыми губами, огромными темными глазами и струившимися по голым плечам каштановыми волосами.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он как ни в чем не бывало, как будто они легли в постель по обоюдному согласию.

– А как вы думаете? – прошептала она, спустила ноги с постели, с удивлением и стыдом обнаружив, что на ней остались одни чулки. – Мне надо одеться.

– Как вам угодно. – Он протянул руку, лениво погладил ее бедро и, когда она отшатнулась, предложил: – Хотите, я помогу вам?

– Прошу, умоляю, не дотрагивайтесь до меня, – только и смогла выговорить Дельфина, чувствуя, как ужас от содеянного все больше охватывает ее. – Вы уже сделали все, что могли, – вы лишили меня невинности... Вы... вы распутник и поступили со мной жестоко. А теперь оставьте меня в покое!

Он встал и, к облегчению Дельфины, натянул свои биджи.

– Какая жестокость! – воскликнул он насмешливо. – А что вы сделаете, если не оставлю? – Он обошел кровать, встал перед ней и подбоченился, перекрыв ей путь к отступлению. Она не смогла бы пройти не коснувшись его.

– Я подниму крик на всю гостиницу! – пообещала она.

– Сомневаюсь, что это будет разумно. – Дьявольская ухмылка кривила его губы. – За дверью Оакли, он знает, что не надо меня беспокоить, когда я наедине с *леди*.

– Вы напрасно смеетесь, дело в том, что, к вашему сведению, я и есть настоящая *леди*. Моя жизнь была далека от того, что происходит здесь, пока я не встретила вас! – Выкрикнув это ему в лицо, она оттолкнула его с силой, схватила свое нижнее белье и трясущимися руками стала натягивать его на себя. – Что вы сделали со мной, теперь я чувствую себя... продажной женщиной.

Сквозь окна уже пробивался серебристый утренний свет, и она поспешно, дрожащими пальцами, пыталась хоть как-то собрать волосы в простой узел, пока он наблюдал за ней, прислонившись к кровати столбику. Нечаянно бросив взгляд на постель, она увидела на смятых простынях алые пятна – свидетельства утраты невинности, и сама стала такого же цвета, вспыхнув от стыда.

Он проследил ее взгляд, потом посмотрел на нее, и их глаза встретились. Она была самой соблазнительной из всех женщин, которых он встречал. И действительно, была похожа на *леди* мягкостью, манерами, правильной речью. Явно не из тех смелых и наглых особ, которые привлекают к себе мужское внимание, но не удерживают его надолго. Она была нетронутой, чистой девушкой, пока не встретила его. Он, конечно, вчера позволил себе некоторую грубость, применил силу, но она пробудила в нем страсть, ведь он думал, что перед ним опытная продажная женщина, лишь изображающая невинность. И, несмотря на то что он был пьян, все-таки помнил, что в решающий момент она не сопротивлялась и позволила ему овладеть собой.

– Я понимаю, чем была вызвана ваша неопытность в постели, Дельфина, но не понимаю, почему вы пришли сюда с Оакли. Впрочем, это ваше дело, какая бы ни была причина. Хочу признаться, не жалею, что стал первым мужчиной в вашей жизни, и, если вы испытываете стыд и вину, хотя бы знайте, что щедро одарили меня и дали такое наслаждение, о каком можно только мечтать. Если обстоятельства вынудили вас или по другой причине вы решили вступить на путь порока, то должны понимать, что приобрести опытность вам не повредит. Этого требует искусство профессии. Вы очень красивы и пробудили во мне настоящую страсть, вы вполне достойны такой страсти и даже любви. И уверяю, ни один мужчина не устоит перед вами.

Она мучительно краснела, пока он говорил, особенно когда высказывал предположения, кто она такая. Но не могла отрицать, что, когда второй раз они занялись любовью, она не находила его отталкивающим и он вызывал в ней чувства, совсем не похожие на отвращение. Даже сейчас, несмотря на страх и стыд, ее охватило непреодолимое стремление подойти и провести рукой по его мускулистой груди, запустить пальцы в его красивые волнистые волосы. Она посмотрела на его мощный торс, взгляд скользнул по плоскому животу, и, испугавшись вновь своих мыслей, быстро подавила искушение.

Она должна к себе самой испытывать отвращение, потому что превратилась в распутную женщину, потерявшую невинность, которая нашла наслаждение в плотских утехах и сама желала их. Она была настоящей распутницей, но кто сделал ее такой, как не он? Он пробудил в ней это низменное желание, а теперь ей было страшно, ее мучил стыд за себя и за него.

– Вы были как глоток свежего воздуха, – сказал он тихо, – после унылого пьяного вечера в набитой людьми таверне передо мной появилось видение. Вы обладаете красотой, которая способна соблазнить и святого.

– Вы не нуждались в соблазнении вчера, – заметила она холодно, бросив на него обвиняющий взгляд и пытаясь справиться с застеежкой.

Он подошел и, помогая ей, коснулся пальцами ее шеи. От этого прикосновения она отпрянула, как от удара, боясь его близости, не уверенная, что сможет противостоять, если он проявит настойчивость.

– Прошу вас, умоляю, не дотрагивайтесь до меня. Вы неправильно судите обо мне. Я не падшая женщина и не собираюсь ею становиться. Вы ошиблись.

Он прищурился, и сомнения зародились в его голове.

– Но позвольте, мой ординарец Оакли нашел вас в публичном доме, разве не так? Он туда направился вчера вечером по моему заданию и с определенной целью.

– Да, именно там мы с ним встретились, – подтвердила она и, волнуясь, продолжала: – Но там, в этом борделе, я искала пропавшего из сиротского приюта ребенка. Девочку, которая убежала оттуда к матери. Я занимаюсь благотворительностью, моя профессия – помогать бедным и несчастным детям, а не проституция, полковник Фитцуоринг. Я поверила господину Оакли, когда он сказал, что вы нуждаетесь в немедленной помощи, подумала, что вы ранены или больны, потому что он упомянул о сражениях в Испании. Теперь я понимаю, как мы оба заблуждались. Он искал женщину по имени Дельфина, это имя она присвоила на время, потому что в борделе любят менять имена, и на этот раз почему-то приглянулось мое. Но я не поняла, что произошло недоразумение, привыкла, что люди здесь знают меня и часто обращаются за помощью.

Он начал понимать, что произошло.

– Признаюсь, это было опрометчиво и глупо с моей стороны – пойти в отель с незнакомым человеком. Откуда мне было знать, что я стану жертвой безнравственного и пьяного типа...

Он нахмурился:

– Немного поздно для сожалений. Что сделано, то сделано, и прошлого не вернуть.

– Но теперь я опозорена, безжалостное вы животное, и еще находите забавным свое приключение со мной, но я желала бы вам, полковник, чтобы вы заполучили в вашу постель ту, которая охотно откликнулась бы на ваши ласки и не стала потом вас ненавидеть. Неужели вы не чувствуете вины, вам безразлично, что просто изнасиловали меня, хотя я говорила, что хочу уйти, пыталась объяснить, что вы ошиблись.

Он смотрел на нее с возрастающим интересом.

– Я уже сказал, что сожалею, но признайтесь, что у вас было достаточно времени, чтобы сообщить мне о вашей ошибке до того, как все произошло.

Он действительно сожалел, что так получилось, как и о том, что не узнал ее поближе и у него не будет времени, чтобы дать ей ту любовь, которую она заслуживает. Объясняя случившееся обстоятельствами, он снимал с себя вину, но все же... Лорд Фитцуоринг покачал головой, чувствуя некоторое смущение, и его черты приняли мягкое, виноватое выражение. Он посмотрел ей прямо в глаза, и его взгляд был полон искреннего раскаяния.

– Я не стану вам лгать, поверьте, прошлой ночью я принял вас за...

– Шлюху, – закончила она холодно.

– Да. Мужчины – слабые создания, когда дело касается женщин. Понимаете, Дельфина, мы так устроены, что не можем устоять перед красивой женщиной. Но уверяю, я не дотронулся бы до вас, если бы знал правду. – Он улыбнулся примирительно, подошел и остановился в опасной близости. И прежде, чем она успела запротестовать, взял ее за руки и притянул к себе. Глядя на ее губы, он продолжал: – Однако случилось так, что я не только дотронулся, но и... И теперь мне не хочется вас отпускать. Подарите поцелуй на прощание, Дельфина, чтобы я помнил вас подольше. И посмотрим, смогу ли я растопить этим поцелуем лед, которым вы покрылись.

И с этими словами он наклонился, прижался к ее губам, сначала осторожно, как будто испытывая ее терпение, потом сильнее, поцелуй становился все более страстным, он длился и длился. Крепко прижимая ее к себе, как будто впитывая всю прелесть этой очаровательной девушки, он все больше возбуждался от близости ее податливого тела, и все благоразумие в момент вылетело из его головы. Он ощущал сладость ее дыхания, вкус ее губ, чувствовал ее тепло, и желание овладело им с новой силой. Дельфина не могла не чувствовать, как сильно

он возбужден. Она понимала, что вряд ли он даст ей теперь уйти, ее положение становилось опасным. Ей пришла в голову идея отрезвить его и наказать за попытку снова обольстить ее – она прикусила его за нижнюю губу до крови. Он сразу выпустил ее, почувствовав боль и соленый вкус крови во рту, и выругался.

– И вы называете себя настоящим офицером и командуете людьми! – воскликнула она с негодованием, подавив рвущиеся от обиды рыдания, слезы туманили ей глаза. – Где вы научились таким манерам, полковник? В испанских борделях?

Он уже опомнился и, подбоченившись, заглянул в полные слез, потемневшие от возмущения глаза.

– Так-так... Наш котенок начал кусаться. У вас острый язычок, Дельфина, и, как оказалось, острые зубки. Но что-то не припомню такого яростного сопротивления, когда мы были в постели.

– Еще бы вам припомнить, – возразила она гневно, – вы же были пьяны как сапожник.

Он окинул взглядом стройную высокую фигуру, грудь, выступавшую из выреза корсажа, такие прелести трудно было скрыть даже самой нелепой и скромной одеждой, как и ее врожденную грацию.

– Не настолько, чтобы не помнить, что произошло между нами, – тон его смягчился, – особенно когда мы с вами занимались любовью во второй раз, и даже смею утверждать, что вы получали удовольствие в равной степени со мной.

Она в ярости замахнулась на него своей сумкой, целясь в довольно ухмылявшееся красивое лицо, но он успел отклониться, и сумка только чуть задела его.

Он оторопел, ее атака была неожиданной и яростной.

– В следующий раз я не промахнусь, – пообещала она.

Он насмешливо приподнял красивую бровь:

– А у нас будет следующий раз?

– Только если со мной случится несчастье встретиться с вами! – крикнула она и решительно вытерла слезы тыльной стороной ладони. – Только дотроньтесь до меня, обещаю, будете петь сопрано всю оставшуюся жизнь! А теперь соблаговолите приказать вашему мистеру Оакли найти мне экипаж. Чем скорее я уйду и чем дальше от вас буду, тем лучше будет мое самочувствие.

Тронутый до глубины души ее отчаянием, ругая себя, что стал этому причиной, он попытался хоть немного успокоить ее и расстаться мирно.

– Но я, как джентльмен, не могу отпустить вас одну, без сопровождения. Если вы назовете адрес, я сам вас доставлю домой, вам нечего меня бояться, клянусь честью.

– Вот как? Простите, но вынуждена отказаться. Я предпочитаю ехать одна.

– Как пожелаете. Вы не моя пленница. Можете идти немедленно, если хотите.

– Но я не могу. Я вошла сюда незамеченной и умру от стыда, если увидят, как я выхожу от вас.

– Тогда я позову Оакли. Я бы сам пошел за экипажем, но в таком состоянии не могу выйти. – Он указал на свои бриджи, теснота которых ничего не оставляла воображению. – Это будет неловко.

Она глазами проследила его жест и тут же пожалела об этом, увидев то, о чем он говорил. Кровь бросилась ей в лицо, и она поспешно отвернулась. И была рада, когда раздался осторожный стук в дверь, который спас ее от смущения.

Он лишь мимолетно улыбнулся и пошел к двери.

– Я мог бы компенсировать время, потраченное вами на меня, Дельфина. Какова цена, назовите. – И тут же пожалел о сказанном, по выражению глаз девушки он понял, что жестоко оскорбил ее.

– Откуда мне знать ваши цены. Я уже сказала, что я не проститутка. Вы мне ничего не должны, полковник, и я не приму от вас ничего, но приличная сумма, пожертвованная сиротскому дому на Уотер-Лейн, была бы кстати.

– Я об этом позабочусь. – Он перестал улыбаться, взгляд синих глаз потемнел. – Я понимаю и ваше негодование, и ярость. Мое поведение было непростительным. Поверьте, я чувствую свою вину перед вами.

Его искренность смягчила ее сердце.

– Что ж, я рада этому.

– Это, конечно, не самое мое горячее желание, но, если вы хотите, можете дать мне пощечину. Моя физиономия в вашем распоряжении.

Она медленно покачала головой:

– Я вас ни в чем уже не виню.

Они стояли, глядя друг на друга, и странное дело, ей хотелось его ненавидеть, но ненависти не было. Зато она понимала, что никогда не забудет эту ночь. Нахлынувшие воспоминания вызвали в ней дрожь омерзения к себе, своему телу, которое испытывало столь постыдные ощущения, которые пристали падшей женщине. Она вдруг увидела свое отражение в зеркале, и ее охватил гнев. «Предательница, ты позволила ему затащить себя в постель, ты не сопротивлялась, ты бессовестная, как все шлюхи, ничуть не лучше, где была твоя гордость».

Он тем временем открыл дверь и пустил мистера Оакли, который при виде Дельфины глупо заулыбался, но Дельфина ответила ему таким свирепым взглядом, что он в растерянности отвернулся, глядя на своего хозяина, у которого на губах играла улыбка раскаявшегося грешника. Потом взгляд его упал на постель, и при виде красных пятен на простынях глаза верного слуги расширились, ища объяснений, он снова посмотрел на хозяина, который только кивнул, подтверждая догадки мистера Оакли.

– Ты вчера ошибся, Оакли, как видишь. Это совсем не та Дельфина, за которой ты вчера ходил. К несчастью, это так. Достань для леди экипаж, и я буду признателен, если ты сделаешь так, чтобы она вышла из гостиницы никем не замеченной.

Надев шляпку, с сумкой в руках, она последовала за Оакли, надеясь, что никогда больше не увидит полковника Фитцуоринга. И ненависть снова овладела ею, она никогда не забудет своего унижения и позора, в котором он повинен.

Дельфина не помнила, как выходила и садилась в экипаж, пришла в себя только по дороге домой в Мейфэр. В ней бушевал целый вихрь сожалений, гнева, она спрашивала себя, почему он посмел так с ней поступить и как она могла вести себя подобным образом. Случилось самое ужасное, что могло произойти с незамужней девушкой ее сословия. И вдруг заледенела от дурных предчувствий, наконец полностью осознав глубину своего падения и пугаясь тех ощущений, которые открыли для нее новую сторону жизни.

Дельфина была дочерью лорда Джона и леди Эвелины Кэмерон. Семья жила в одном из самых элегантных особняков, прилегающих к Беркли-сквер. Выйдя из экипажа, Дельфина уже поднималась по ступенькам, когда дверь распахнулась и появился Дигби, дворецкий, которого она знала всю свою жизнь.

– Доброе утро, Дигби, – сказала она, входя в холл. Дельфина не сомневалась, что его мучит любопытство, как и всю семью. Почему она явилась утром, что за причина была провести ночь вне дома, никого не предупредив. Да поможет ей Бог, если правда выплывет. – Кто-нибудь встал или все еще спят?

– Леди Кэмерон в гостиной. Она страшно беспокоилась, когда вы не появились дома вчера, и ночью почти не спала. Она велела мне немедленно послать вас к ней, как только вы появитесь.

Сердце у Дельфины упало. Ей хотелось принять ванну и переодеться, прежде чем она предстанет перед пронизательным материнским взором, но ничего не оставалось, как повиноваться.

– Хорошо, я иду к ней. А пока попросите горничную приготовить для меня ванну, если вам не трудно, Дигби.

Мать Дельфины сидела в своем любимом кресле у окна. Хотя было еще рано, утро обещало жаркий день, такой же, как накануне, и в гостиной было уже душно. Леди Кэмерон, женщина среднего роста и сложения, с седеющими волосами, идеально уложенными, несмотря на ранний час, обмахивалась веером. Едва переступив порог гостиной, Дельфина сразу поняла, что мать очень рассержена. Гневно поджав губы, леди Кэмерон оглядела дочь с головы до ног подозрительным взглядом, и взмахи веера участились, что означало крайнюю степень негодования. Обе молчали, слышен был только шорох веерных пластин. Волнуясь, Дельфина прошла вперед и встала за одним из кресел, держась руками за его спинку, как будто искала поддержку.

– Доброе утро, мама. Прости, что заставила тебя волноваться.

– Волноваться? – Голос матери выдавал крайнее раздражение. – Но ты прекрасно знала, что я ждала тебя вчера на свой музыкальный вечер, а ты не только не соизволила явиться, но даже не прислала записку, предупреждая, что тебя не будет дома и ночью. Это никуда не годится. Где ты была? Я должна знать! И посмотри на себя – твоя одежда выглядит так, как будто ты в ней спала.

– Я... Я была в сиротском приюте, пока не стемнело. Дело в том, что оттуда сбежали вчера двое детей, я помогала их разыскать, а когда закончила работу, было так поздно, что я решила остаться на ночь.

Мать прищурила глаза:

– Не верю ни одному слову, Дельфина. Ты лжешь, и я это знаю наверняка. Когда ты не явилась домой, я послала лакея в приют забрать тебя. Ему сказали, что ты уже ушла. Меня охватывает ужас, когда я воображаю, с какими отбросами общества ты там сталкиваешься. Это вина Селии, она вовлекла тебя в опасную деятельность.

– Это не вина тети Селии. – Пойманная на лжи, Дельфина уже понимала, что придется сказать матери правду. – Я ходила искать маленькую девочку, пропавшую из приюта.

– Ты нашла ее?

Дельфина кивнула:

– Да.

– И где же?

– Она... Она убежала к матери, в бордель, который держит миссис Кокс на другом конце Уотер-Лейн.

– Так. Значит, ее мать – падшая женщина. И ты хочешь мне сказать, что входила в это заведение?

– Да, – уже спокойнее отозвалась Дельфина.

Ее мать всю свою жизнь до брака провела в Бате, в самом уединенном его районе. Ее день неизменно начинался с прогулки вокруг Мейфэра, потом магазины, чай с друзьями, музыкальные вечера, приятные светские развлечения. Она никогда не бывала в таких местах, как Сент-Джилл, и подобных ему, в ее представлении они были рассадником разврата и заразы. Никогда не встречалась с такими женщинами, как Мег, и детьми, подобными Мэйзи. Она не верила убеждению Селии и своей дочери, что на путь порока таких женщин могли подтолкнуть отчаянная нищета или тяжелые обстоятельства. Поэтому мать никогда не поймет страданий этих несчастных.

– Главная черта леди, Дельфина, – это подобающие манеры и соответственное поведение, не важно – на публике или дома. У тебя нет ни того ни другого. Но почему ты стала такой? Почему твои сестры не являются примером для тебя?

– Но, мама...

– Нет на леди ты не похожа. Ты слишком много споришь, ты не повинуюешься ни правилам, ни родителям. Ты вообще делаешь вещи, которые немыслимы для молодой девушки твоего сословия. Ты подвергаешься опасности, появляясь на улицах ночью и в любую погоду там, где и днем нельзя бывать без риска для жизни, где рыщут убийцы, головорезы и грабители.

Слезы навернулись на глаза Дельфины.

– Это не так страшно. Все эти неприятности и неудобства не причиняют мне такого страдания, как равнодушие родных. Быть чужой для отца и матери из-за того, что не родилась мальчиком, которого они ждали. Вот что такое настоящая боль.

Слова вылетели прежде, чем она подумала, и заставили мать с изумлением посмотреть на дочь. Она, видимо, смутилась от неожиданного обвинения и замолчала, сбита с толку упреками дочери. Дельфина страдала как никогда. Она страстно желала любить и быть любимой. Но не имела любви родных, а теперь еще и потеряла невинность.

Она взяла себя в руки, немного успокоилась и продолжала:

– Я не должна была так говорить с вами, но вы сейчас вынудили меня объясниться, я еще никогда этого не делала. Но знайте, что я страдала, мне всегда недоставало любви и ласки.

Леди Кэмерон поднялась с кресла и выпрямилась, величественно подняв голову, на ее лице отчетливо читался гнев.

– Твой отец и я, мы оба, старались дать тебе все, Дельфина. – В голосе ее прозвучали печальные нотки, но она старалась сохранить самообладание. – Мы делали все, что могли, что было в наших силах. Но тебе ничего не надо, кроме твоей неблагодарной работы, ты живешь для других, считаешь их более достойными твоего внимания. Ни для нас, ни даже для себя самой в твоей жизни нет места. Не знаю, откуда это в тебе – такая тяга или склонность к людям низшего сословия. Это можно было бы уважать, относишься ты к близким с таким же вниманием.

– Прости, мама, – сдавленным голосом отозвалась Дельфина, – ты не права – я люблю и тебя, и папу, и сестер, но и моя работа приносит мне радость.

– Если бы ты была примерной дочерью, ты бы не чувствовала себя обделенной. Но я все еще жду твоих объяснений, где ты была ночью. Могу я предполагать, что ты провела ее в этом борделе?

Дельфина, побледнев, смотрела в сторону. Но леди Кэмерон подошла вплотную, повернула ее лицо к себе и заглянула в глаза. Она вглядывалась пристально, пытаясь прочесть в глазах дочери правду. Потом вдруг потянула носом, так, словно уловила чужеродный запах, неоспоримый запах физического контакта. И сразу все поняла.

– Ты *сделала это*? – спросила она потрясенно. – Ты была с мужчиной? Отвечай мне!

Дельфина смогла только кивнуть в ответ, и давно сдерживаемые слезы хлынули градом из ее глаз. Потом, как будто стараясь скорее облегчить душу, унять сердечную боль, покончить с недосказанностью и, возможно, найти сочувствие и понимание, она сбивчиво рассказала матери о встрече с лордом Фитцуорингом. Опять вспомнила, как сама подчинилась ему и охотно отвечала на ласки, когда он овладел ею во второй раз. Он был победителем, она – его жертвой. Жертвой его мужественной физической красоты, необыкновенных синих глаз и своих неожиданных желаний, вызвавших ее страсть и чувство близости с этим человеком.

А может быть, решающим оказалось влияние борделя. Вся его атмосфера и то, что там происходило, просто не могли не подействовать, это происходило постепенно и незаметно, разрушая ее и выпуская темные смутные желания на свободу. И потом она пала жертвой этого любителя развлечься с продажными женщинами, стала легкой добычей при первом же натиске, сама отдавалась и желала мужчине, незнакомца. Зато теперь она знала, что такое взаимное влечение и какое наслаждение мужчина и женщина получают от близости. Это закон природы, так распорядилась жизнь, поэтому физическая близость не может быть чем-то противоестественным. Но ее мать имела об отношениях мужчины и женщины другое представление.

Леди Кэмерон в немом ужасе слушала сбивчивый рассказ дочери. Сначала она испытала шок. Потом не могла поверить, что это сделала ее дочь. Но поверив и понимая, что ничего уже не исправить, лихорадочно искала выход. И вот глаза ее заблестели, как в тот день, когда ее старшая дочь выходила за лорда Ранделла. Растерянность сменилась решимостью. Под маской недовольства и холодности скрывалась мать, с ее защитными инстинктами по отношению к своему дитяти. Надо было избежать скандала и попытаться извлечь из ситуации все возможное, чтобы ее исправить.

– Этот человек – полковник у Веллингтона, ты говоришь? Что еще о нем известно? Он титулован? Богат? Говори.

– Он лорд. Лорд Стивен Фитцуоринг. Это все, что я знаю о нем.

– Твое поведение было полностью безответственным и требует осуждения. Ты должна за это заплатить. А он должен жениться на тебе теперь, если он джентльмен, хотя я сомневаюсь в том, что он так поступит.

Она никогда еще не видела свою мать такой. Леди Кэмерон смотрела на дочь таким взглядом, как будто перед ней стояла одна из продажных женщин заведения миссис Кокс, а не собственная дочь. Ее глаза остановились на талии дочери, потом снова вернулись к ее лицу.

– А если у тебя будет ребенок, ты задумывалась об этом?

Дельфина страшно побледнела, холодный ужас липкой лапой сжал ее сердце. В своей наивности и неопытности она и не подумала, лежа под полковником Фитцуорингом, о том, какие последствия могут возникнуть от такого поступка.

Она открыла рот, чтобы заговорить, но мать жестом, полным негодования, велела ей молчать.

– Молчи. Ты безнравственна и распутна, как блудница Иезавель. Я дрожу от страха, что будет, когда узнает твой отец.

Джон Кэмерон имел предков шотландцев и унаследовал взрывной характер. Невысокий, коренастый, с седеющими рыжевато-коричневыми волосами, он легко возбуждался и гневался. И когда жена рассказала ему обо всем, что натворила его младшая дочь, яростный взрыв последовал незамедлительно.

– Всегда знал, что ничего хорошего ждать не приходится от твоего шатания по приютам, какими бы благими намерениями ты ни руководствовалась. – Его лицо наливалось кровью, он шумно дышал. – А потом ты легла в постель к мужчине и потеряла невинность. Теперь на тебе лежит пятно бесчестия, если ты не выйдешь замуж. За него, если он на тебе женится. Ты хоть понимаешь это?

Дельфина выпрямилась и взглянула на отца:

– Я совершила ошибку, папа, и теперь буду сожалеть об этом всю оставшуюся жизнь. Моя совесть нечиста, но разве тут возможен брак?

– Только брак. Слава богу, он оказался человеком нашего круга, подходит нам по положению.

– Он не женится на мне.

– Увидим. Если Фитцуоринг думает, что может запятнать мое честное имя и соблазнить безнаказанно одну из моих дочерей, а потом как ни в чем не бывало вернуться в Испанию, он глубоко заблуждается. Он заплатит за это, и будьте уверены, я об этом позабочусь.

Ее охватило безнадежное отчаяние; не в силах произнести ни слова, она стояла, бессильная противостоять объединенной воле родителей, которые пришли к решению.

Два дня спустя отец позвал ее к себе. Она ожидала очередных назиданий и, пригладив волосы, поспешила в его кабинет. Он стоял у камина.

– Входи, Дельфина.

И кивнул на высокого мужчину, в красном мундире и белых брюках, с военной выправкой, тот стоял у окна спиной к ней – ноги расставлены, руки заложены за спину.

– Ты уже знакома с полковником Фитцуорингом, разумеется.

Сердце у нее бешено забилося. Она не ожидала такой встречи, и теперь вихрь противоречивых чувств поднялся в ней. Он повернулся и посмотрел на нее своими необыкновенными глазами цвета вечернего неба, и она сразу ощутила необыкновенное волнение, вспомнив все, что произошло между ними. Невозможно было не залюбоваться его стройной фигурой, которую так выгодно подчеркивала военная форма, красный цвет мундира приятно оттенял загорелую кожу. Он был великолепен. Но неожиданно она заметила легкие тени усталости под его глазами.

Не справляясь с волнением под пронзительным взглядом синих глаз, она дотронулась рукой до горла, а память уже возвращала ее к той ночи, и невольно перед внутренним взором появлялись картины, когда он снимал с нее одежду, как она осталась совершенно нагая в его власти. О да, она помнила его. Ей напомнили все клеточки ее тела и всей смятенной души. Но он остался бесстрастным и не подал виду, что узнал ее.

Она справилась с замешательством после неловкого молчания, сделала над собой усилие и, подавив дрожь в голосе, произнесла, стараясь быть холодной и светски учтивой:

– Да, мы знакомы. Добрый день, полковник Фитцуоринг.

– Мисс Кэмерон. – Он поклонился, как ей показалось, с насмешливым видом.

Стивен был и смущен и взбешен. Он не ожидал такого приема и жестокого разноса, который ему учинил лорд Кэмерон. Тот отчитал его, как мальчишку. Буквально пригвоздил обвинениями в нарушении всех правил приличий и порядочности. Его гнев проявлялся в стальном блеске холодных синих глаз, которые он не сводил сейчас с Дельфины. Его взгляд как будто прожигал ее насквозь, а его молчание становилось нестерпимым. Своим присутствием он так подавлял, что казалось, заполнил всю комнату. Но ей хватило ума и сообразительности понять, что он использует сейчас это тяжелое молчание как оружие. В тех случаях, когда мужчине просто нечего сказать в свое оправдание, он предпочитает молчать. Ведь он привык сам командовать людьми и не терпел нотаций, никто из подчиненных не осмелился бы прервать молчание лорда Фитцуоринга. Все должны испытывать страх, когда он проявляет такую властную агрессию. Дав про себя такую характеристику этому заносчивому человеку, она стряхнула с себя наваждение, навязанное чужой волей.

– Вы здесь только потому, что вас позвал мой отец. Это так, полковник Фитцуоринг? – холодно спросила она.

– Вы совершенно правы. Как вы себя чувствуете, надеюсь, с вами все в порядке?

Она прекрасно поняла сквозившую в этих словах ледяную насмешку, но не хотела обострять отношения, чтобы не подвести отца. Хотя и этот взгляд, и его агрессивное поведение могли вывести из себя кого угодно.

– О, со мной все в порядке, как вы можете видеть сами.

Она намеревалась перейти в атаку, не позволить ему подавить ее волю своим превосходством. Наверное, он предпочел бы встретиться с целой армией Наполеона на поле битвы, чем с ее отцом в его доме.

– Я выжила после нашей встречи, даже шрамов не осталось.

Осталась рана в сердце, но этого он не узнает, она не доставит ему такого удовольствия.

Он, вероятно, понял, что на расстоянии его власть ослабевает, и, приблизившись, внимательно посмотрел ей в глаза. Ее тело сразу предательски отозвалось на этот маневр волнением в крови. Она вспыхнула и увидела, как он удивленно приподнял бровь, наблюдая за ней, потом тонкая улыбка появилась на его губах, он понял ее состояние.

Стивен и сам не оставался равнодушным, под маской гневной холодности он тоже чувствовал волнение. Он подавил в себе желание еще раз попросить у нее прощения, ему сейчас

было не до нежностей. Его призывал воинский долг, в Испании шли бои, и надо было срочно возвращаться – его отпуск и так затягивался. Не время для амурных дел и тем более – для брака. Любовь и семья делают солдата уязвимым. Он позволил себе поддаться зову плоти, да и кто бы не поддался на его месте. Через его постель прошло много женщин, некоторых он давно забыл, некоторые еще вызвали у него нежные воспоминания, но любовь – это для юных идеалистов. Ему нравились женщины зрелые, которые знают и принимают правила игры, как и то, что все рано или поздно заканчивается.

Сейчас он сосредоточен на одной цели; пока не кончится кампания в Испании, никаких серьезных перемен в личной жизни он не планировал. И вдруг судьба подбросила ему эту девушку, красивую, соблазнительную и необыкновенно своевольную. Откуда ему было знать, что она дочь одного из самых влиятельных людей аристократической лондонской знати. Он попался в ловушку из-за собственной неразборчивости и легкомыслия, и теперь ему придется заплатить за ошибку.

Глава 3

Лорд Кэмерон сурово посмотрел на дочь. Он не знал, какие обстоятельства заставили ее влезть в постель полковника, и не хотел их знать, но, если лорд Фитцуоринг не женится на Дельфине, как оскорбленный отец, он должен будет придать дело огласке. В этом случае скандал предстоит такой громкий, что полковник, его дочь, да и вся семья будут опозорены и в обществе их перестанут принимать. Конечно, и сам Фитцуоринг подвергнется бесчестью, его карьера будет разрушена. Ему придется покинуть армию, а он на это не пойдет, в силу этих обстоятельств он безусловно предпочтет брак. Но надо предупредить Дельфину, чтобы она вела себя благоразумно и прекратила бесить полковника, как делает это сейчас. Лорд Кэмерон сразу понял, что этот Фитцуоринг – твердый орешек, человек с сильным характером, он привык командовать. Он не станет долго терпеть ее строптивость и стремление задеть его самолюбие.

– Полковник Фитцуоринг подтвердил, что у вас была... э... э... э... связь в гостинице «Голубой вебрь» прошлой ночью; как человек чести, я сначала должен был удостовериться в этом факте, прежде чем просить его исправить свою ошибку.

Склонив голову набок, она насмешливо спросила:

– А вы что скажете, полковник Фитцуоринг? Вы действительно хотите исправить свою ошибку?

Она опять бросала вызов, не хотела подчиниться той власти, которую он уже имел над ней.

– Разумеется. Ваш отец и я обсудили дело, и мы примем меры, чтобы позаботиться о вас.

– Вот как? – Она горько рассмеялась. – Я могу понять участие отца в моей судьбе, но когда вспоминаю ваше поведение, отнюдь не джентльмена, то, как вы обошлись со мной, то, простите, сомневаюсь в ваших добрых намерениях, милорд. Вы думаете, мне очень приятно умолять о спасении мужчину, который лишил меня невинности? Поступайте как хотите, но не надейтесь, что ваша совесть после этого будет передо мной чиста, полковник.

Его лицо посуровело, а взгляд стал угрожающим.

– Я бы посоветовал вам быть осторожнее и выбирать выражения. – Он наклонился, пристально глядя ей прямо в глаза. – Я вообще мог не являться сюда сегодня. Мог отрицать, что встречался с вами, сказать вашему отцу, что он ошибся.

Его слова так рассердили ее, что она отбросила дипломатию и перешла в атаку.

– Ваш мозг действительно был затуманен алкоголем, зато я помню, например, оригинальное родимое пятно у вас на...

– Довольно, – прервал он грозно.

Она видела, он взбешен и с трудом сдерживается, чтобы не оскорбить ее.

Но он быстро опомнился. Тон снова стал спокойным.

– Теперь, когда прошлого не вернуть, все, что я могу сделать, – это жениться на вас. О чем и просил ваш отец. Я сказал, что готов жениться, и заверил, что к вам будут относиться, как того заслуживает девушка вашего положения и воспитания.

Она не могла сдержать горькой усмешки. Причина его ярости была очевидна – его вынуждают жениться, шантажируя, против его воли.

– Необыкновенно благородно с вашей стороны, лорд Фитцуоринг.

– Довольно, Дельфина, – прервал ее отец, – ты слишком дерзка. Следи за своими манерами. Ты сама виновата, что оказалась в этой неприятной для всех ситуации, потому что пренебрегала правилами, предписанными для молодой леди светом. Ты хоть можешь понять, что теперь являешь собой испорченный фрукт? По светским неписаным законам ты обесчещена.

Если твоя связь с лордом Фитцуорингом станет известна, двери всех домов в Лондоне захлопнутся перед тобой.

Дельфина возмутилась:

– Папа, не было никакой связи!..

– Молчать! Мы с твоей матерью всегда знали, что с твоим образом жизни, твоим непослушанием в любой момент можно ждать неприятностей. Из-за тебя я переступил через свою гордость, когда просил полковника повести тебя к алтарю.

Ее переполняли чувства унижения и обиды. Ее отец не спрашивал ее согласия, ему была безразлична ее судьба, он лишь не хотел скандала. А ведь она еще ничего не видела в жизни, не встречалась ни с одним молодым человеком. Лишь несколько балов и гости матери. Она не вращалась в светском обществе, как ее сестры, и могла сравнивать Стивена только с мужьями своих старших сестер и женихами близнецов – Роуз и Ферн. Все они казались скучными и пустыми и не нравились ей даже внешне; надо было признать, что Стивен Фитцуоринг выгодно отличался от них.

– Но я совсем не хочу выходить за лорда Фитцуоринга.

– Обсуждение закончено. Он согласен, хотя одному Богу известно, что я готов был обломать об него свой кнут. Если бы он не согласился, тебя подвергли бы публичному позору и наше имя навсегда было запятнано, жизнь всей семьи разрушена. Вот почему не позднее чем через два дня, по специальной лицензии, вы будете обвенчаны. Она отшатнулась в испуге:

– Почему так скоро?

Стивен насмешливо приподнял идеальную бровь.

– Мой долг призывает меня незамедлительно отбыть в Испанию, – холодно сообщил он.

– Вот как? – Она тряхнула головой. – Не скажу, что разочарована.

Он прищурил глаза, что означало крайнее раздражение.

– Вы разговариваете со мной неуважительно и грубо. Я изменю это, когда стану вашим мужем.

Она лишь дерзко улыбнулась ему в лицо и отвернулась, вспомнив, что так всегда поступал отец, когда хотел кого-то вывести из себя.

– Надеюсь, что война с Францией продлится так долго, что ваш военный долг навсегда оставит вас в Испании. А до тех пор я обещаю, что, как только ваше обращение со мной станет цивилизованным, я отвечу тем же. Я всегда приветствую приличные манеры, предпочитая их грубости солдафона.

– Хватит, Дельфина, – снова прервал отец, – нам еще надо обсудить детали.

– Разумеется. После свадьбы Дельфина останется у вас, пока я буду в Испании. А когда вернусь, отвезу ее в свое имение в Корнуолл.

– О нет, сэр, так не пойдет. Ваша будущая жена, моя дочь, будет жить в вашем доме. И сразу же после церемонии вы отвезете ее туда, я рассчитываю, что вы не задержитесь надолго в Испании.

Стивен устремил холодный взгляд на будущего тестя:

– И разумеется, вы станете на этом настаивать.

Его лордство ответил таким же немигающим взглядом:

– Вот именно.

У полковника на щеке нервно дернулся мускул.

– Очень хорошо, но предупреждаю, я вынужден буду отбыть в полк немедленно, и у меня не будет времени хорошо устроить вашу дочь. Я и сам там давно не был, боюсь, что дом не в надлежащем порядке.

– Я думаю, что справлюсь сама, смею уверить, – сказала Дельфина.

Он взглянул на будущую жену:

– Я понимаю, что брака со мной хочет ваш отец, а не вы, но тем не менее не забывайте, что этот брак на всю жизнь свяжет вас со мной.

– А вы не забыли, что едете на войну, милорд? На войне иногда убивают, поэтому не загадывайте.

Он прорычал:

– На это не рассчитывайте, Дельфина, у меня нет желания покинуть вас так скоро.

– Надо обсудить приданое, – поспешно вмешался лорд Кэмерон, – прежде чем приступить к организации венчания.

– Оставьте его себе, мне ничего не надо.

Дельфина не сдержала удивленного возгласа. А лорд воззрился на полковника:

– Я правильно вас расслышал, сэр?

– Абсолютно, – подтвердил тот. – Мне не нужно платить за невесту и будущую жену.

– Но... Это нормальная практика.

– Я ее не одобряю. Я имею возможности содержать Дельфину подобающим образом, лорд Кэмерон.

– О, я не стану для вас обузой, полковник. Ни в финансовом, ни в любом другом смысле. Таким образом, может быть, соберу хотя бы остатки собственного достоинства.

Он посмотрел на нее. Взгляд у него был тяжелый.

– Как моя жена, вы едва ли будете вести отдельную жизнь от меня. Это невозможно, и скоро вы это поймете.

С этими словами он слегка наклонил голову и направился к двери. Она успела увидеть его разгневанный аристократический профиль, и, пообещав на прощание, что не опоздает на церемонию, он удалился.

Все было кончено. Она теперь жена лорда Фитцуоринга и собиралась вместе с ним покинуть Лондон. Только что завершилось спешное венчание. Жених с невестой покидали церковь. Дельфина была бледна, ее сердце ныло при мысли, что ее родители так откровенно избавились от нее. Лорд и леди Кэмерон торопились сбыть с рук недостойную дочь.

Не было ни красивого свадебного наряда, ни подружек невесты, зато рядом теперь стоял муж, который ненавидел ее за то, что его вынудили жениться на ней против воли. Они произнесли свои клятвы перед алтарем и обменялись кольцами, церемония традиционно завершилась поцелуем, скреплявшим обет, но поцелуй был холодным.

Когда церемония завершилась, он откинул назад голову и рассмеялся. Она почувствовала себя оскорбленной, кровь бросилась ей в голову.

– Если бы я была мужчиной, вы бы заплатились за это.

Он улыбнулся иронически и сказал тихо, чтобы слышала только она одна:

– Вы бы не оказались тогда в подобной ситуации, любовь моя.

Она хотела вырвать руку, но он сжал ее пальцы, как тисками, не давая выразить свое негодование. Потом наклонился так близко, что она ощутила его теплое дыхание на своем лице.

– Вам уже не удастся вырваться от меня, Дельфина. Я натура деспотичная, вы теперь моя, и навсегда, так что постарайтесь улыбаться и делать вид, что счастливы.

Ее щеки пылали, она понимала, что лишена всего. А главное – прежней независимости, и теперь она всецело зависит от этого мужчины.

– Вы самый отвратительный из всех грубиянов, с которыми мне приходилось когда-либо встречаться, – прошипела она.

Он и не подумал обидеться, только приподнял удивленно брови и произнес насмешливо:

– Это запоминающийся момент. Меня и раньше награждали неласковыми словами, но никто еще не называл отвратительным и грубияном. – И с этими словами повел ее к выходу.

После короткого свадебного ужина жених с невестой должны были сразу отправиться в Корнуолл. Дельфина стояла в холле, и все ей казалось кошмарным сном. На церемонии присутствовали только две сестры, незамужние близнецы – Роуз и Ферн, она почти не видела их после той ночи, когда вернулась утром из «Голубого вепря» и призналась в своем грехопадении матери. Дельфина подозревала, что мать специально изолировала их от нее, чтобы не запачкать своих драгоценных дочек общением с особой, лишенной морали, совершившей немыслимый поступок, грозивший бесчестьем не только ей самой, но и всей семье. Две старших сестры жили далеко от Лондона и не смогли бы прибыть на свадьбу за такой короткий срок. У близнецов был совершенно ошарашенный вид, они не могли понять, каким образом их младшая сестра, нигде не бывая и не имея поклонников, вдруг выскочила замуж за блестящего и необыкновенно красивого офицера. Обе белокурых младших сестры были на церемонии – красивые той утонченной красотой, которая ценится в свете; настоящие леди – с бело-розовой кожей, голубыми, как небо, глазами, светскими манерами, одетые в одинаковые бледно-голубого цвета платья, – они были воплощением всего, чего не хватало Дельфине. Обе через два месяца выйдут замуж за таких же светских женихов.

Лорд и леди Кэмерон обожали близнецов. Дельфина всю жизнь умирала от желания, чтобы на нее хоть раз взглянули с такой же любовью. И теперь, когда они с такой поспешностью буквально вытолкнули ее из дома, ее сердце разрывалось от боли. Она попрощалась со слугами и немногочисленными родственниками, которые собрались проводить новобрачных, некоторые, к ее удивлению, даже плакали и благословляли ее. С особой печалью Дельфина распрощалась с тетей Селией, которая заверила, что будет скучать и ей будет не хватать племянницы в работе с сиротами. Обычно тетя Селия была сдержанна и не поддавалась эмоциям, но на этот раз она прослезилась.

– Бог да благословит тебя, дитя мое, – она обняла племянницу, – я буду скучать по тебе, и знай, я всегда гордилась тобой.

– Неужели? Я же всех опозорила.

Легкая улыбка появилась на губах тети Селии.

– Нонсенс, дорогая. Иногда девушка не может противостоять обстоятельствам и становится их жертвой.

– Скорее жертвой не обстоятельств, а грубого солдафона, – пробормотала Дельфина.

Селия засмеялась:

– Верно. Но, по крайней мере, полковник Фитцуоринг – красивый офицер и совсем не солдафон. Когда твой отец рассказал мне твою историю, заявив, что виной является офицер армии Веллингтона, я забеспокоилась. Представила себе старого безобразного грубияна и с облегчением узнала, что это не так. И, дорогая, он просто необыкновенно хорош собой. А его пожертвование сиротам было очень и очень внушительным.

Дельфина удивилась. Она и не ждала, что он выполнит обещание.

– О, я не знала, но мне стыдно подумать о причине такой щедрости.

– Не думай об этом. Все позади, и жизнь продолжается. – Селия еще раз обняла ее. – А теперь тебе пора. Впереди длительное путешествие. Обещай, что напишешь мне сразу, как приедешь в Корнуолл. Я хочу все знать о тебе.

– Я обещаю, и ты мне пиши о детях. Ты ведь будешь хорошенько присматривать за малюткой Мэйзи? Обещай, тетя Селия.

– Обещаю, дорогая.

– И если у тебя будут неприятные, угрожающие ей обстоятельства, ты мне сообщи.

– Конечно. Но там, где ты будешь жить, наверняка тоже найдется где применить свои силы, бедные души найдутся и в Корнуолле, и им понадобится твоя помощь, Дельфина.

Дельфина с трудом сдерживала слезы. Грудь стеснило, когда она простилась с сестрами и родителями, у которых было каменное выражение лица. Они даже не обняли ее на прощание

и не сказали, что любят ее и желают счастья. Торопливо попрощавшись, она поспешила уйти, чувствуя, что сейчас разрыдается, если еще останется на минуту. Это было выше ее сил.

Карета ехала очень быстро. Наверное, не желая быть запертым наедине с молодой женой в карете, Стивен предпочел поездку верхом в компании мистера Оакли, на огромном черном жеребце, игравшем мощными мускулами под лоснившейся шкурой.

Спустя несколько часов пути колеса загрохотали по мощеному двору гостиницы, где они должны были заночевать. Стивен спешил и, бросая поводья груму, командным голосом велел кучеру быть готовым двинуться в путь завтра утром, в половине восьмого.

– Я вижу, – заметила Дельфина мистеру Оакли, который помог ей выйти из кареты, – что мой муж не в духе. Не сомневаюсь, что он винит меня за то, что помешала ему немедленно отправиться в Плимут. Каким же неприятным препятствием в его глазах я являюсь, хотя, – она бросила на мистера Оакли многозначительный взгляд, – если мы оба начнем искать виновного, скорее всего, увидим его в вашем лице. Вы согласны, мистер Оакли?

Человек, глубоко преданный своему хозяину, сдержанный, которого нелегко выбить из седла, сейчас Оакли покорно склонил голову, ведя ее к входу в гостиницу.

– Боюсь, что это так, миледи. Назовите это ошибкой, но я полностью был дезориентирован всей ситуацией, а главное, местом, где мы встретились, и признаю свою вину. Мне только и остается, что просить вас о прощении, если я невольно причинил вам страдания.

Она улыбнулась. Невозможно было злиться на мистера Оакли, во всех отношениях приятного и дружелюбного человека, преданного своему господину.

– Я прощаю вас, мистер Оакли. А вот прощу ли я своего мужа – это вопрос. Он ведь не занимается специально оскорблением женщин?

– Он никому не желает зла, миледи. За многие годы я узнал, что женщины играют незначительную роль в его жизни. Хотя те женщины, с которыми он встречался, всегда были от него без ума, и это понятно, еще бы не восхищаться – красавец и такой щедрый блестящий офицер.

– Но их восхищение, вероятно, оставило его равнодушным, – холодно предположила Дельфина, глядя на прямую спину своего супруга, который уже входил в гостиницу.

– Боюсь, что да. Мой господин прежде всего солдат, и, как солдат, он не имеет времени и терпения на галантное ухаживание, а его истинные чувства трудно понять, он отлично умеет их скрывать. Его стихия – военная служба, он преобразается, когда его страна стоит на пороге войны или, как сейчас, находится в состоянии войны с Бонапартом. Весь день он проводит в седле, проверяет готовность своей части, дает инструкции, он всегда должен знать все, что там происходит, чтобы принять срочные меры, если понадобится. После объезда пишет приказы командирам или составляет новые стратегии. Он встает с рассветом и на ногах до глубокой ночи, пока сон не свалит его.

– Ваша верность ему делает вам честь, мистер Оакли. Но я еще не готова быть снисходительной. Возможно, что его темп жизни и усталость от войны вынуждают его быть грубым, портят характер, поэтому иногда он ведет себя как раненый медведь. Впадает в ярость и набрасывается на женщин...

Она остановилась у входа и взглянула на своего спутника. Он ответил умным взглядом и доброжелательной улыбкой.

– Вы очень гордитесь моим мужем, я вижу это.

– Как я уже говорил, миледи, мы с ним были вместе многие годы и видели и хорошее и плохое, но смею заверить, что господин прежде всего человек чести, что бы ни говорили о нем. Он любит активную жизнь, любит движение, ненавидит застой, поэтому нашел себя в армии. Он с юных лет знает, что ему нужно, и упорно следует своей линии.

– За счет всего остального, из чего состоит жизнь, – например, жена, семья, дом. А теперь, неожиданно женившись, готов бросить молодую жену и поскорее вернуться в Испанию. – Она с

трудом сдержалась, чтобы не добавить: «К своей прекрасной сеньорите». Но горечь в ее голосе не осталась незамеченной ее проницательным собеседником.

– Боюсь, что это истинная правда, миледи, но... – в его глазах мелькнул загадочный огонек, – но, мне кажется, что вы скоро измените его жизнь.

Она не смогла ответить на это странное замечание, потому что в этот момент рядом возник сам полковник. Она вдруг вспомнила, что скоро окажется в одной комнате с ним ночью, и ее щеки загорелись от волнения. Она до сих пор не отдавала себе отчета в том, что сегодня их первая брачная ночь и она должна будет разделить с ним постель.

Но волнение сопровождалось не лишенным приятности чувством ожидания. Она не была невинной невестой, которая не знает, что ей предстоит. У нее не было страха, и она знала, чего ждать от него и от себя тоже. Тот опыт, который она получила, позволял ей надеяться разделить с ним страсть, уже на законных основаниях. И ее предательское тело уже ликовало в предвкушении, и приходилось усилием воли подавлять в себе низменные желания, потому что если она не справится с ними, то рискует полюбить без ответа и потерять не только свободу, но и свое сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.